

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Том Лоу

Двадцать четвертая
буква



Москва
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л81

Tom Lowe

THE 24TH LETTER

THE 24TH LETTER © 2010 by Tom Lowe

Оформление серии А. Саукова

Иллюстрация на суперобложке и переплете В. Коробейникова

Лоу, Том.

Л81 Двадцать четвертая буква / Том Лоу ; [пер. с англ. А. Посецельского]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (DETECTED. Тайна, покрывшая мир).

ISBN 978-5-699-93606-9

«Оказывается, одиннадцать лет назад ты отправил за решетку совершенно невинного человека...» Сказать, что такое известие не из приятных — значит, ничего не сказать. Бывший следователь убийного отдела полиции Майами Шон О'Брайен, решивший после смерти жены поселиться в тихом местечке, никогда не сможет обрести душевного покоя, если не восстановит справедливость и не спасет заключенного-смертника. Времени почти нет — до его казни остается меньше четырех суток. Однако единственный свидетель тех давних событий становится жертвой неизвестного убийцы. Погибает и священник, принявший исповедь этого свидетеля. Перед смертью святой отец смог оставить знаки, способные вывести на верный след. Осталось только их расшифровать...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Посецельский А.А.. Перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке.
ISBN 978-5-699-93606-9 Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Моей дочери Эшли

Благодарности

Одна из моих любимых составляющих писательского ремесла — выражать признательность и благодарить тех, кто мне помог, а их немало. Сотрудники «Сент-Мартинс Пресс» чрезвычайно талантливы, и мне крупно повезло в том, что я смог воспользоваться их наставлениями и опытом. Все они — от отдела продаж до редакции — превосходные специалисты. Моя глубочайшая благодарность Рут Кевин, Томасу Данну, Тони Пламмеру, Дэвиду Ротштейну, Элизабет Каглер, Рафалю Джибеку и Бриджит Хартцлер. Особо хочу поблагодарить за помощь выпускающего редактора Боба Беркеля. Он настоящий мастер слова.

Свой вклад в эту книгу внесли и другие: детектив Сара Джоийелли, детектив Аарон Миллер, доктор Дэвид Спектер, отец Роджер Хэмилтон, Э. Брайан Филлипс и мой агент Филлис Вестберг.

Писательский труд, особенно если ты занимаешься им после рабочего дня, отнимает очень много времени. Семья всегда была моим главным источником вдохновения. Я навечно признателен ее членам за любовь и поддержку. Спасибо моим детям Натали, Кэсси, Кристоферу и Эшли. Вы удивительны, талантливы, и я горжусь вами. Хочу отдельно поблагодарить своего сына Криса Лоу за создание анонсов к моей книге и раз-

работку моего веб-сайта. Меня поражают его творческие навыки. Его компания находится по адресу www.suite7productions.com.

Выражаю благодарность и любовь моей жене Кери, которая поддерживала меня во время создания книги и облегчила эту трудную работу. У Кери экстраординарное чувство повествования, под стать ее таланту вселять энтузиазм и ободрять, которые проявлялись при написании всех моих книг. Кери, ты — мое вдохновение.

Я признателен книготорговцам, которые уделили время моей работе и представили ее читателям. И спасибо тебе, читатель. Если ты только что присоединился к нам, добро пожаловать! Если же ты вернулся, чтобы погрузиться в новые приключения Шона О'Брайена, я очень рад, что ты здесь.

Помощник федерального маршала Билл Фишер никогда раньше такого не делал, а после того утра он Богом поклялся, что больше такого не сделает. Он никогда не позволял заключенному выкурить сигарету перед судебным заседанием, но Сэм Спеллинг был сговорчивым и вежливым весь долгий путь от флоридской государственной тюрьмы до окружного суда в Орландо. И добрались они раньше времени. Журналисты толпились у входа с задней стороны суда. Может, подумал помощник Фишер, вовсе не повредит, если Сэм Спеллинг выкурит полсигареты.

Спеллинг был главным свидетелем на слушаниях по государственному обвинению против грабителя банков, который переквалифицировался в наркоторговца. Раз уж Спеллинг помогает правительству, причем с риском для себя, кому будет худо, если он быстро выкурит сигаретку? «Может, парень успокоится и ему будет легче давать показания». Фишер и второй маршал провели Спеллинга по вытертым ступеням к заднему выходу из суда.

Наверху лестницы Спеллинг осмотрелся, разглядывая примыкающий переулок, фургоны и машины шерифов, припаркованные по всему периметру. Темные прилизанные волосы Спеллинга были зачесаны назад. Над

левой бровью извивались два белых шрама, ломанные, как молнии, — последствия непрерывного насилия. У него было осунувшееся птичье лицо, крючковатый нос и мрачный взгляд покрасневших бирюзовых глаз. Спеллинг прищурился на утреннее солнце и сказал:

— Очень признателен за перекур, сэр. Я быстренько, только чтобы нервы успокоить. А потом пойду в суд и буду говорить такое, что Ларри отправится прямо туда, где я уже провел чертову прорву времени. Штат обещал, что он поедет в другую тюрьму. А если нет, рано или поздно он меня грохнет, сам или наймет кого-нибудь. Так что этот перекур здорово поможет мне выстоять на свидетельском месте.

* * *

Перекрестье прицела поймало затылок Сэма Спеллинга, едва тот появился наверху лестницы. Снайпер смотрел в прицел и ждал подходящего момента. Он знал: пуля калибра 7,7 мм оставит входное отверстие не шире диаметра школьного карандаша. Но на выходе размажет лицо Спеллинга по раствору, скрепляющему столетние гранитные блоки.

Снайпер не ожидал, что свидетель обернется, дойдя до входа в здание суда. Так даже лучше, теперь можно уложить пулю ему прямо между глаз. В мощный прицел он видел огонек зажигалки. Увеличенный, тот казался небольшим костерком в руке маршала. Снайпер следил, как Спеллинг скованными руками держит сигарету, в перекрестье прицела проплывал голубовато-белый дымок. Спеллинг глубоко затянулся, и стрелок начал медленно жать на спуск.

И тут жертва кивнула, закашлялась, повернула голову и шагнула назад.

Тогда снайпер прицелился в грудь и спустил курок. Сэм Спеллинг рухнул, как марионетка с обрезанными нитками. Пуля испачкала стену частицами легких и мышц. По белому граниту попозли, блестя под лучами утреннего солнца, алые струйки крови.

2

Сэм Спеллинг знал: однажды он отправится в ад. Но не знал, что этот день наступит сегодня. Персонал больницы скорой помощи заштопал пулевое ранение в грудь, выровнял неустойчивый пульс и закачал в Спеллинга тонну всякой химии. Потом его приковали к каталке и задернули занавеску.

Сэм пытался сосредоточиться на подвесном потолке. Сконцентрироваться на маленьких отверстиях. Они казались крошечными черными звездами на сплошь белом небе. Он не мог припомнить, когда последний раз спал под звездами. Или просто смотрел на звезды.

Кардиомонитор попискивал. Все медленнее и медленнее.

«Да где же они?»

Сэм ощущал пульсацию в груди, тошноту в желудке, желчь в горле. Он источал медицинские запахи меди и серы. Черные звездочки мутнели. Звук монитора походил на стук клавиш расстроенного пианино. Сердце Спеллинга пыталось запустить жизнь и догнать упущенное время.

«Никто не должен слышать собственную смерть! Где они? Хоть кто-нибудь!»

Во рту был такой вкус, будто кто-то затушил бычок об его язык. На плоскую подушку лился пот.

«Лучше подушек в камере!» Мышцы шеи завязало узлом.

Сейчас боль шла из груди через левое плечо и вниз, по руке. Спеллинг попытался поднять голову и посмотреть, стоит ли еще охранник за занавеской. Монитор продолжал пищать. «Чертовски громко».

«Почему же они не слышат? Кто-нибудь!»

Комнату затянула чернота, а потом Сэму Спеллингу все стало неважно, потому что он был уже не тут. Черный водоворот захватил его и всосал через широкое горло слива в клоаку абсолютной тьмы.

Когда медсестра отдернула занавеску, она даже не поняла, что Сэм Спеллинг еще жив.

* * *

Отец Джон Каллахан никак не мог к этому привыкнуть. Отправление последних обрядов нелегко дается человеку, который в свои пятьдесят семь способен из центра поля загнать мяч точно в ворота. Каллахан по натуре был бойцом. Со смертью нужно сражаться, а молодой человек должен сражаться с ней изо всех сил. И никогда не признавать поражение. Людям просто нужно время, чтобы разобраться.

Отец Каллахан — румяное лицо с тяжелым сильным подбородком и глазами оттенка молодой ливни — размышлял об этом, идя под дождем. Он перешагнул через кабели, идущие от телефургона, и вошел в больницу скорой помощи. Внутри он заметил четырех полицейских — один пил кофе, остальные заполняли отчеты. Мужчина в штатском, афроамериканец, стоял в углу и разговаривал с одним из полицейских. Каллахан решил, что это детектив. Блондинка-телерепортер подкрашивала губы розовым блеском.

Священник сложил и застегнул зонт. Усталая медсестра оторвала взгляд от стола и посмотрела на отца Каллахана.

— Скверный денек, — сказал он.

Медсестра кивнула и обвела взглядом забитый людьми вестибюль.

— Да еще репортеры толкуются.

— А чего им надо?

— Сегодня утром застрелили заключенного. Прямо на ступенях суда. Он должен был давать показания по тому большому делу о наркотиках.

Отец Каллахан кивнул.

— Как Николь Саторини? Ее привезли раньше? Любовое столкновение. Я слышал, она в реанимации. Семья с ней?

Медсестра глубоко вздохнула.

— Отец, мне очень жаль. Она умерла. По-моему, семья недавно ушла из больницы.

Сэм Спеллинг ухватился за белый халат врача, как утопающий за спасательный круг.

— Все хорошо, — сказал врач, придерживая Спеллинга за руку. — Вам нужно отдохнуть. Ложитесь обратно. Мы заново запустили вам сердце.

Охранник из Управления исполнения наказаний заглянул за занавеску, но врач покачал головой и опустил руку Спеллинга на каталку. Потом взглянул на монитор и произнес:

— Давление девяносто на пятьдесят. Пульс тридцать девять. Ставьте следующую капельницу.

Медсестра кивнула и приступила к делу.

Спеллинг приподнял голову. Тюремный охранник стоял у самой кровати и наблюдал за процедурами. Сложением он напоминал полузащитника, крепкий лоб,

нос расплющен и в шрамах. Спеллинг посмотрел ему за спину. У сестринского поста стоял мужчина в черном костюме. На мужчине был воротничок священника. Спеллинг моргнул, из глаз потекли слезы. Он улыбнулся, потрескавшиеся губы дрогнули, левая щека искривилась.

— Отец! — закричал Спеллинг.

Отец Каллахан уже уходил, но обернулся на крик.

— Отец!

Священник направился к испуганному мужчине. Охранник поднял ручищу, будто стоял у школьного перехода.

— Сэр, не подходите!

— Этот человек звал меня, — сказал отец Каллахан.

— Этот человек — заключенный, — набычился охранник.

— Он человек, и ему плохо.

Спеллинг умоляюще смотрел на молодого доктора влажными глазами.

— Док, пожалуйста, можно, я поговорю со священником? Всего полминуты?

— У вас было два сердечных приступа за час. Вам нужно отдохнуть.

— Док, пожалуйста! Я видел такое... я не могу это описать. Я не могу туда вернуться. Мне нужно поговорить со священником — исповедаться. Мужик, мне срочно нужен Бог!

3

Врач сухо кивнул.

— Пару минут, отец, не больше. Его скоро перевезут в хирургию.

Медики отошли, а отец Каллахан шагнул мимо охранника к постели Спеллинга.

— Отец, — начал Спеллинг, глядя на свою дрожащую руку, на которой, у запястья, теперь виднелась надпись «IV». — Вы только поглядите, трясусь, будто пил четыре дня. Отец, я жил дурацкой жизнью и был не слишком-то религиозным человеком... но я всегда верил в Бога.

Отец Каллахан кивнул.

— Я видел кое-что, пару минут назад, — продолжал Спеллинг, — и напугался до усрачки. Простите, что я так говорю, отец, но я думал, я умер... умер и отправился прямиком в ад. Блин, теперь я уверовал. Вы не против задернуть занавеску? Я хочу исповедаться.

Отец Каллахан кивнул и подошел к занавеске.

— Пожалуйста, дайте этому человеку побыть несколько минут в уединении, чтобы исповедаться в своих грехах, — прошептал он охраннику.

— Тут парой минут не обойдешься, — с ухмылкой ответил охранник.

Отец Каллахан задернул занавеску и повернулся к Спеллингу.

— Отец... Я не знаю, как сказать...

— Просто говорите от самого сердца.

— Мое сердце здорово поизносилось, но я попробую. Скажите, как вас зовут?

— Отец Джон Каллахан. Я священник епископальной церкви.

— Могу я называть вас отцом Джоном?

— Да.

— Отец Джон, может, вы замолвите за меня словечко наверху.

Спеллинг поднял глаза к точкам на потолке.

— За свою жизнь я сделал немало плохого. Надеюсь, Бог увидит, что заставило меня это делать, и

кое-что мне простит. Но, отец, мне нужно сказать не о себе. Может, Бог сжалятся, когда увидит, до чего я сейчас дошел в своей никчемной жизни. Так же может быть, правда?

— Никогда не поздно обратиться к Господу и искать его прощения. Вы хотите исповедаться?

— Хочу сделать хоть что-то правильно.

Спеллинг помолчал и взглянул на монитор, где мерцали цифры, отзвуки слабого биения сердца.

— В камере смертников в Старке сидит один человек. Штат Флорида собирается его прикончить. Он невиновен. Говорят, он изнасиловал и убил девушку — одну супермодель в Майами. Одиннадцать лет назад. Но он этого не делал.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю, кто это сделал. Я сидел в машине на стоянке кондоминиума, когда увидел, как из одной квартиры выходит убийца. Я собирался толкнуть немного кокса и тут заметил этого чувака. А незадолго до того я видел, как из той же квартиры вывалился первый парень, пьяный в хлам. Я заметил, куда второй мужик спрятал нож. Я забрал нож. Чувак кинул его в мусорный бак, а я достал оттуда. Он был завернут в газету. Я хорошенько разглядел того парня, даже запомнил номер его машины. Нож я спрятал. Убийство девушки попало во все газеты. Никого не арестовали... и я связался с тем чуваком. Сказал, за сто штук его прогулка до бака останется нашим маленьким секретом. Он хотел получить нож. Но я оставил его у себя, для страховки. Забрал деньги, а через пару дней за это убийство арестовали кого-то другого. Я решил, что теперь я повязан с этой гребаной путаницей. За год я вынюхал все деньги... ограбил банк, и меня поймали. Меня отправили в Старк на десятку. Этот парень в камере смертников,